

ботанного раздела в грамматиках тунгусо-маньчжурских языков. В рецензируемой работе, как и в «Заметках о тунгусских языках и их отношениях к другим языкам, называемым алтайскими» согласование определения с определяемым в числе и падеже в тунгусских языках автор связывает с явлением двойной падежной флексии и на основании этого высказывает мнение, что согласование является структурной необходимостью этой группы языков. Последнее представляется нам достаточно справедливым, так как согласование определения с определяемым действительно характерно для ряда говоров эвенкийского, а также эвенского языков.

*

Труд И. Бенцинга вносит значительный вклад в науку о языке. С выходом в свет этой сравнительно-исторической работы тунгусо-маньчжуроведение получило новые данные об исходных фонемах и формах тунгусского языка-основы и их развитии. Несмотря на то, что сами грамматические факты, которых касается И. Бенцинг, в той или иной мере уже известны из опубликованных ранее работ, интерес к рецензируемой книге не снижается, так как многие из этих фактов получают здесь новое освещение. В некоторых случаях выводы, к которым приходит автор, как это отмечалось нами выше, следует признать спорными, но ценность работы в целом от этого не становится меньше. Ряд недостатков (отсутствие четкого разграничения фактов современного языка и фактов, относящихся к его истории; схематичность изложения; недостаточная обоснованность ряда выводов; допущенные неточности) в большей мере объясняются, по-видимому, тем, что автор пользуется сравнительно ограниченным языковым материалом, к тому же только письменных языков и лишен возможности использовать тот богатый материал (в частности, в фонетической транскрипции), которым располагают советские специалисты. К сожалению, этот материал, а также исследования по тунгусо-маньчжурским языкам публикуются у нас еще очень мало.

Книга И. Бенцинга должна вызвать у советских тунгусоведов и алтаистов большой интерес и побудить их к дальнейшим исследованиям как в специальной области тунгусо-маньчжуроведения, так и в более общих вопросах алтаистики.

В. А. Горцесская, В. Д. Колесникова, О. А. Константинова

A. Carnoy. Dictionnaire étymologique du proto-indo-européen (Bibliothèque du Muséon, vol. 39). — Louvain, 1955. 224 стр. (Publications universitaires, Institut orientaliste).

Сам факт появления «Протоиндоевропейского этимологического словаря» свидетельствует о весьма интенсивном развитии этой новой отрасли индоевропейского языковедения. Под термином «протоиндоевропейский» имеются в виду языки народов, появившихся в Европе и Малой Азии до италийцев, кельтов и греков и оставивших в виде заимствований множество слов, которые невозможно вести к индоевропейскому при помощи фонетических закономерностей, существующих в италийском, кельтском, греческом или каком-либо другом индоевропейском языке.

Вслед за П. Кречмером, К. Паули и А. Фикком, которые положили начало изучению «догреческих» языков, большинство ученых считали все этимологически темные слова и формообразовательные элементы в италийском, кельтском и греческом языках остатками неиндоевропейских языков¹. В результате работ В. Георгиева, который первый последовательно доказал индоевропейский характер догреческих элементов и дал таблицу фонетических соответствий «догреческого» языка с индоевропейским, теория об индоевропейском характере «догреческого» языка приобрела все больше приверженцев².

Достижения В. Георгиева были вскоре приняты и развиты А. И. Ван-Винденкенсом, В. Мерлингенем, О. Хаасом, А. Карнуа и некоторыми другими³. В связи с признанием индоевропейского характера «догреческого» языка некоторые ученые склонны рассматривать теперь этрусский язык тоже как индоевропейский⁴.

¹ Подробный обзор теорий о неиндоевропейском характере догреческих элементов см.: V. Georgiev, *Vorgriechische Sprachwissenschaft*, I, 1, Sofia, 1941, стр. 13—59; е го же, Вопросы родства средиземноморских языков, ВЯ, 1954, № 4, стр. 57.

² О значении работ В. Георгиева в практическом и общетеоретическом плане см.: W. Merlingen [рец. на кн.:] A. J. van Windkens, *Le pélasgique, «Indogerm. Forsch.»*, Bd. 61, 1954, стр. 297; см. также: W. Merlingen, *Das «Vorgriechische» und die sprachwissenschaftlich-vorhistorischen Grundlagen*, Wien, 1955.

³ См. В. Георгиев, Вопросы родства средиземноморских языков, стр. 59.

⁴ См. там же, стр. 50 и сл.; см. также: A. Carnoy, *Dialectologie proto-indo-européenne, «Orbis»*, t. I, № 2, 1952, стр. 423 и сл.; е го же, *La langue étrusque et ses origines, «Antiquité classique»*, t. XXI, fasc. 2, 1952, стр. 289 и сл.

Выпуску рецензируемого словаря предшествовало несколько работ А. Карнуа по «догреческому» и этрусскому языку¹, но эти работы, по словам самого автора, вряд ли можно считать оригинальными, во всяком случае в области «догреческого», поскольку в них он целиком следует за В. Георгиевым и А. И. Ван-Виндекенсом (стр. V)².

Протоиндоевропейский словарь А. Карнуа состоит из трех больших отделов соответственно реконструируемым языкам, относимым автором к протоиндоевропейским: первый отдел — пелазгский (section pélasgique) (стр. 1—78); термин «пелазгский» условно обозначает «догреческие» языки; второй отдел — западный протоиндоевропейский (section proto-indo-européenne de l'occident) (стр. 79—163), здесь имеются в виду иллирийцы или лингуры; третий отдел — этрусский (section étrusque) (стр. 165—216); в конце этрусского отдела помещено небольшое количество слов ликийского языка, соотносенных с индоевропейскими основами (стр. 216—219).

Словарь имеет довольно обширное общее предисловие (стр. V — XII) и два частных, предпосланных второму и третьему отделам. Автор, говорится в предисловии, не претендует на то, чтобы его словарь был поставлен в один ряд с существующими этимологическими словарями отдельных индоевропейских языков. Его задача скромнее. Например, относительно пелазгского он просто полагает, что наступил момент собрать все этимологии, разбросанные по многим отдельным статьям и книгам, в единый словарь, «который мог бы с легкостью и пользой служить справочником для эллинистов в качестве дополнения к этимологическим словарям Буазака, Гофмана, Фриска и др.» (стр. V — VI). Составляя два других отдела словаря, автор преследовал аналогичные цели: он стремился координировать работу в этих областях и дать отправную точку новым исследованиям (стр. IX — X).

Второму отделу предпослана таблица фонетических трансформаций реконструируемых индоевропейских звуков в «западных протоиндоевропейских языках». В этих фонетических закономерностях можно заметить много общего с фонетическими закономерностями пелазгского языка, хотя «западные протоиндоевропейские» языки принадлежат к группе centum (стр. 79). В относительно обширном введении к третьему (этрусскому) отделу А. Карнуа характеризует свой метод исследования и толкования этрусских слов. Как и В. Георгиев, он опирается на античную традицию относительно анатолийского происхождения этрусков, т. е. на признание близкого родства этрусского языка с ликийским, лидийским, пелазгским, хеттским и другими древними малоазиатскими индоевропейскими языками³. Здесь также дается таблица фонетических закономерностей этрусского языка, которые сближают его с пелазгским и хеттским. Из пунктов 8 и 10 видно, говорит А. Карнуа, что этрусский язык, как и хеттский, был языком centum и даже сохранил наряду с ним ларингал в виде *h*. Однако это весьма сомнительно⁴.

Во всех трех отделах словаря слова распределены в алфавитном порядке, за исключением слов ликийского языка, помещенных в конце этрусского отдела (стр. 216—219) и расположенных соответственно фонетическим закономерностям, выводимым автором для этого языка. Наибольшее количество слов содержит пелазгский отдел — около 1010; из них 530 слов (т. е. больше половины), обозначенные звездочками, — этимологии самого автора⁵. В словах, этимологии которых не принадлежат А. Карнуа, в словарной статье дается необходимый, но, к сожалению, очень краткий справочный материал с ссылками на соответствующие работы различных ученых, главным образом на работы В. Георгиева и А. И. Ван-Виндекенса. При наличии нескольких толкований приводятся основные из них. Поскольку пелазгский отдел задуман как дополнение к существующим уже этимологическим словарям греческого языка, автор совсем не помещает в нем соответствий с другими индоевропейскими языками, за исключением греческих соответствий, которые в этом случае очень важны. Он ограничивается сведением данного слова к индоевропейскому корню.

¹ См. А. С а r n о у, Le substrat «pélasgique» dans la toponymie grecque, «Orbis», t. III, № 2, 1954, стр. 433 и сл.; е г о ж е, L'hypothèse pélasgique et la mythologie grecque, «Muséon», LXVII, 3—4, 1954 (см. также работы по этрусскому языку, указанные в предыдущем примечании).

² В скобках здесь и далее указывается страница рассматриваемого словаря.

³ См. вышеуказанные работы А. Карнуа и его вышедшую позже рецензируемого словаря книгу, посвященную специально этому вопросу: А. С а r n о у, Lycien, étrusque, indoeuropéen, Louvain, 1956. См. также рецензию на эту книгу М. Лежена, («Revue des études anciennes», t. 58, № 3-4, 1956, стр. 341). Ср. В. Г е о р г и е в, Вопросы родства средиземноморских языков, стр. 50—51.

⁴ См. К. О l z s c h a, Schrift und Sprache der Etrusker, «Historia», Bd. VI, Hf. 1, 1957, стр. 34 и сл.

⁵ А. Карнуа в 1957 г. в качестве дополнения к рецензируемому словарю опубликовал еще 40 новых пелазгских этимологий (См. А. С а r n о у, Le substrat «pélasgique» du grec. Nouveaux exemples, «Orbis», t. VI, № 1, 1957, стр. 135 и сл.).

Словарь включает ряд удачных этимологий, теперь уже многими признанных, таких, как: пелазг. ἄλειψω «мазь», «масло» (стр. 7), ср. греч. λίπος¹; пелазг. ἄμεσσω (стр. 8) (гlossа Гесихия) «ключица, лопатка», ср. лат. *humerus*; пелазг. ἄφ(ε)υος (стр. 13) «богатство», ср. лат. *ops*, санскр. *āpnas*²; пелазг. ἄστυ (стр. 12) «город», ср. санскр. *vastu*, ирл. *foss*; пелазг. βάσκανος (стр. 15) «мошеник», «волшебник», ср. лат. *fascinum*, греч. φάσκα; пелазг. βάσκιου·δεσμοὶ φρυγάνων (гlossа Гесихия) (стр. 15) «вязанка», «охапка», ср. греч. φάσκος, лат. *fascis*³; пелазг. βασιλεύς (стр. 15) «царь», «властитель», даются две этимологии: одна — Георгиева с пометкой «предпочтительно», связывающего это слово с санскр. *bhagaḥ*⁴, и другая — Вап-Виндекенса, связывающего его с **bhos-*, *bhās*, санскр. *bhās*⁵; пелазг. θεράπην (стр. 25) «жилище», ср. греч. τέραρνον⁶; лат. *trabs*; пелазг. μέλυδος (стр. 48) «свинен», ср. лат. *plumbum*; пелазг. σέργοι·ἐλαφοὶ (гlossа Гесихия) (стр. 61) «олени», ср. лат. *cervus*, арм. *sirvis*, и.е. **keruo*⁷; пелазг. τερέβινθος (стр. 69) «восточное дерево», дается лучшая, чем у Георгиева⁸, этимология Вап-Виндекенса⁹, который выводит это слово из и.е. **der(e)u*; пелазг. χρόνος (стр. 78) «время», ср. греч. χεῖρω, и.е. **gr-*но от и.е. *(*s*)*ger* «резать».

Словарь содержит сравнительно много слов, но в погоне за количеством, которое «само по себе, по мнению автора, в настоящем случае имеет доказательную силу» (стр. 168) (с чем вряд ли можно согласиться), он стремился включить в свой словарь абсолютно все когда-либо предложенные этимологии, независимо от степени их вероятности. Поэтому в словаре можно заметить много весьма сомнительных этимологий, например: ὅσιος (стр. 52) «установленный священным законом» выводится из *ius-ios, лат. *ius*, *ustus*; этимология Мерлингена, тоже несколько сомнительная: (ὅσιος < *īag-ios, ср. греч. ἅγιος «священный», санскр. *yājati*) все же лучше, поскольку и.е. *ǵ > пелазг. *s*¹⁰; πηλος (стр. 55) «болото» выводится в словаре из и.е. *bolu < *bel, ср. литовск. *balai*, русск. *болото*, но оно прекрасно объясняется из и.е. *pel, ср. лат. *palus* и пр.¹¹; δαίμων (стр. 20) — первоначально «знак» — семантически трудно связать с санскр. *dhyaman* «мысль» и авест. *daeman* «взгляд», как это делает А. Карнуа, исходя из и.е. *dhei. Это слово имеет множество других объяснений¹². Также и θώρας (стр. 27) «панцирь» трудно вывести из и.е. **tuer-*«огораживать», «окружать», поэтому вряд ли стоит отбрасывать сопоставления с санскр. *dharakaḥ* «тот, который вмещает»¹³; θάμβος (стр. 24) «ужас» прекрасно выводится как чисто греческое и.е. **dhamb-*, в противоположность τάφος < **dhmbh-* в результате диссимилиации¹⁴. Также весьма рискованно семантически объединять κορυφή (стр. 38) «вершина», κορδύλη·τύλη (стр. 37) «вздутие», κέρωνθος (стр. 38) «гора», κολοφών «верхушка», κολόσσος (стр. 37) «колосс», κάλυδρος «хохлатый жаворонок» (стр. 30) и сводить все эти слова к индоевропейским чередующимся корням *ger-/gel-* «вертеть», «крутить»¹⁵.

Особенно много субъективного в трактовке собственных имен, которые совершенно излишне увеличивают словарь. Среди них много этимологий самого автора. Весьма

¹ Сноска дана только на вышеуказанную книгу В. Мерлингена «Das Vorgriechische...» (стр. 5), хотя В. Мерлингеном в этом месте цитируется В. Георгиева, который первый предложил эту очень удачную этимологию (см. V. Georgiev, *Vorgriechische Sprachwissenschaft*, Lf. I, стр. 78).

² Снова нет ссылки на В. Георгиева (см. V. Georgiev, там же, стр. 80).

³ Эту этимологию признает и Гумберт в своем отрицательном отзыве на данный словарь (см. *Revue des études grecques*, t. 69, Paris, 1956, стр. 219).

⁴ См. V. Georgiev, *Vorgriechische Sprachwissenschaft*, стр. 81.

⁵ См. A. J. van Windekens, *Le pélasgique*, Louvain, 1952, стр. 76.

⁶ Словарь греческого соответствия не дает. См. V. Georgiev, *Vorgriechische Sprachwissenschaft*, стр. 85.

⁷ Остальные соответствия этому слову в индоевропейских языках см.: Вяч. Вс. Иванов, [рец. на кн.:] W. Merlingen, *Das «Vorgriechische...»*, ВЯ, 1955, №6, стр. 126.

⁸ См. V. Georgiev, *Vorgriechische Sprachwissenschaft*, стр. 108.

⁹ См. A. J. van Windekens, указ. соч., стр. 138.

¹⁰ См. W. Merlingen, *Das «Vorgriechische...»*, стр. 18.

¹¹ См. указанную рецензию В. Мерлингеном в «Indogermanische Forschungen», стр. 229; см. также: E. Boisacq, *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*, Paris, 1923, стр. 779; A. Walde, J. Pokorny, *Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen*, Band II, Lief. I, Berlin — Leipzig, 1926, стр. 55.

¹² См., в частности, Boisacq, указ. соч., стр. 162, где δαίμων (и.е. *dai) < **da-*ст-μωι: лат. **lasi-*, в др.-лат. *lases*, лат. *lares*, *larium*.

¹³ См. там же, стр. 361.

¹⁴ См. J. Pokorny, *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, Lief. 3, Bern, 1949, стр. 248 и сл.

¹⁵ См. указанную рецензию Мерлингеном (стр. 299) и словарь Бузака, где κολόσσος и κολοφών объясняются как чисто греческие и неродственные (стр. 486—487).

спорны, например, этимологии Ὀδυσσεύς (стр. 51) < *o-luk-io-, ср. лат. *Ulysses*; Ἐφαιστός (стр. 24) «Гефест», дор. Ἐφαιστός, которое Карнуа пытается связать с индоевропейской основой «воды» *ar- и *āp-, по его мнению, Ἐφαιστός — эквивалент *aran parat* «сын воды», но Ἐφαιστός может просто обозначать «тот, который светит»¹. Очень заманчива, но мало вероятна этимология Ἀχιλλεύς «Ахилл» и в связи с ней Ἀχαιοί «Ахейцы», Ἀχαιῶν (стр. 13), которые Карнуа вслед за Ван-Виндекенсом² выводит с помощью фонетического превращения kw > k > kh из индоевропейской основы воды *aqw, известной только в италийских, германских, хеттском и тохарском языках (хет. *eku* «пить», тох. А и В *yoksti* «пить»), и толкует Ἀχαιοί как «морской народ», Ἀχαιῶν как «берег моря». По нашему мнению, этимология Мерлингена более правдоподобна, хотя в словаре она вообще не принята: Ἀχιλ(λ)εύς < o-qel(j)-eus «тот, кто гонит»; «тот, кто приказывает»; ср. греч. ο-κέλλω, κέλλω³.

Вообще связь имени собственного Ἀχιλλεύς с именем народа Ἀχαιοί очень рискованна и с семантической стороны; не случайно Ван-Виндекенс и Мерлинген не разбирают Ἀχαιοί. Напрасно отвергается объяснение Мерлингена: Θησεύς «Тезей» (стр. 25) из *tāg-ēus*, ср. греч. ταγής «предводитель», «начальник»⁴. Карнуа выводит из и.-е. *teu > tēues > tē(u)so «сила».

Совершенно неправдоподобно толкуется Ἀγχιθός как «очень гнусный» из и.-е. *aighw; при этом греч. ἀγχι-θός < *aich-sos. В таком случае придется признать, что -σθος является пелагской формой греческого суффикса превосходной степени -ιστος. Примеры таких субъективных и рискованных этимологий при желании могут быть значительно увеличены.

Включив в свой словарь абсолютно все этимологии Ван-Виндекенса, добавив множество своих, весьма рискованных, особенно в именах собственных, помечая некоторые слова со знаком вопроса, например Θάσος (стр. 25) или κωμοί (стр. 38), Карнуа вместе с тем опускает много этимологий В. Георгиева, среди которых имеются такие интересные, как κινέω (стр. 90)⁵; ὄρωμι (стр. 95); πάλις (стр. 96); σκάρφος, ср. греч. σκάπτω (стр. 102); σκίφος, ср. греч. σκπή (стр. 103); φαῦλος, ср. греч. παῦρος (стр. 109); ῥαφή, ῥαφίς, ср. греч. ραπίς, ράπτω (стр. 97); ῥάφης, ῥαφανίς, ср. лат. *garum garā* (стр. 97) не включено ῥαφος⁶; ὄφέλλω, ср. греч. πολύς⁷.

В справочном аппарате встречаются небрежности: отсутствие ссылок на Георгиева уже выше указывалось; нет также ссылки на него в ἐκβύβαλον (стр. 64)⁸; δονέω (стр. 22) вообще дано в качестве собственной этимологии автора, в то время как интерпретация Ван-Виндекенса ничем от нее не отличается⁹.

Наконец, в τύραννος (стр. 73) «царь», которое выводится из индоевропейского корня *turō только на основе сближения с неточно толкуемым *Turan* — именем этрусской Афродиты, дается ссылка на Ван-Виндекенса, но совершенно игнорируется интересная этимология Георгиева, впервые предложенная им в «*Studia linguistica*» (II, 1948, стр. 83) раньше Ван-Виндекенса. В. Георгиев выводит τύραννος из и.-е. *kérās-no-s (ср. греч. κάρανος) и использует его для своей этнографической теории о переселении пелаггов в Палестину¹⁰.

По типу пелагского отдела построены и два других, но в них еще больше субъективных и недостаточно обоснованных толкований, особенно в этрусском, где многое закрыто от нас или спорно. К этрусскому отделу вполне применим отзыв о статье А. Карнуа «*La langue etrusque et ses origines*», положенной в основу этого отдела, в обзоре К. Яначека, который считает работу Карнуа целиком гипотетичной¹¹. Заметим, что работа подобного рода, так как речь идет о языках, реконструкция которых опирается на очень бедные источники, требует значительно большей осмотрительности и более строгого и жесткого анализа, чем мы найдем в протоиндоевропейском словаре Карнуа. Необходимы также более твердые критерии в разграничении отдельных слоев заимствований, которые вряд ли могли проникнуть в греческий язык из какого-либо единого языка вроде пелагского.

¹ См. вышеуказанный отзыв Гумберта на рассматриваемый словарь.

² См. этимологию слова Ἀχιλλεύς в указанной книге Ван-Виндекенса (стр. 144).

³ См. W. Merlingen, *Das «Vorgriechische...»*, стр. 15.

⁴ См. там же, стр. 18.

⁵ В этом абзаце в скобках даны страницы книги В. Георгиева «*Vorgriechische Sprachwissenschaft*»; о κινέω см. также цитируемую рецензию Вяч. Вс. Иванова (стр. 126).

⁶ См. V. Georgiev, *Inscriptions minoenes quasi-bilingues*, «Годишник на Софийская ун-т», ист.-филол. фак-т т. XLVI, кн. 4 — Езикознание и литература, София, 1950, стр. 48.

⁷ См. W. Merlingen, *Das «Vorgriechische...»*, стр. 13.

⁸ См. V. Georgiev, *Vorgriechische Sprachwissenschaft*, стр. 102.

⁹ См. A. J. Van Windekens, указ. соч., стр. 48.

¹⁰ См. В. Георгиев, Вопросы родства средиземноморских языков, стр. 60.

¹¹ См. ВЯ, 1954, № 3, стр. 101.

Нужно сказать, что рассматриваемый словарь А. Карнуа следует признать работой преждевременной и недостаточно основательной. Мы присоединяемся к отзывам Гумберта и Лежена об этом словаре, хотя и не разделяем всей резкости их суждений. Несомненно, что словарь сыграет свою положительную роль в плане задач, поставленных автором (см. выше). Но работа с этим словарем требует очень большой осторожности.

Л. А. Гиндин

J. Gonda. The character of the Indo-European moods. With special regard to Greek and Sanskrit. — Wiesbaden, O. Harrassowitz, 1956. VIII+211 стр.

Тема рассматриваемой книги важна не только для изучения индоевропейских языков, но и для общего языкознания, так как по вопросу о значении грамматической категории наклонения все еще существуют разнообразные мнения.

Во введении и двух последующих главах Дж. Гонда обращается к взглядам своих предшественников, отмечая прежде всего два момента.

1. Создатель индоевропейского синтаксиса Б. Дельбрюк полагал, что различие субъюнктива и опитатива в индоевропейском языке было связано с различием в выражении воли и желания. В понимании слов «воля» и «желание» Дельбрюк опирался на философа П. Ф. Гербарта¹. При этом, устанавливая значение опитатива и субъюнктива, Б. Дельбрюк исходил из категорий и понятий современного мышления, модернизировал древнейшее сознание.

Поэтому в дальнейшем многие ученые выступили против его мнения. Они или вообще отрицали древность форм опитатива и субъюнктива (например, Х. Недерсен), или полагали, что первичное значение этих форм не имеет ничего общего с наклонением, а является чисто временным: субъюнктив и опитатив представляют собой разные типы будущего времени (Гудвин, Хирт, А. Хан и др.). При этом они обычно допускали, будто значение времени является исходным, первичным по сравнению со значением наклонения, т. е. будто в системе глагола временные различия обязательно предшествуют всем остальным.

2. Усилия ученых были направлены в основном на то, чтобы собрать как можно больше разных случаев употребления форм того или иного наклонения, составить список частных значений, которые эти формы получают в различных контекстах, а затем установить, какое из этих значений является хронологически первичным. Так как надежных языковых данных для этого нет, то приходилось обращаться к общим соображениям (что из чего скорее может получиться: значение будущего времени из значения возможности или наоборот и т. д.). При этом опять-таки к языку древнейшего периода применялись категории современного мышления.

Дж. Гонда выступает против подобного подхода. В главе II на примере большого числа индоевропейских языков он показывает, что наличие временных различий, и в частности форм будущего времени, отнюдь не является обязательным и повсеместным фактом: «категория времени зачастую отсутствует или является „нечистой“ (т. е. смешана с видом. — П. М.), или представляет собой результат сравнительно позднего развития. Поэтому нет особых оснований считать самоочевидным существование специальных форм будущего времени в доисторической глагольной системе и. е. праязыка» (стр. 22). Эта мысль развивается в главе III, где вскрываются особенности архаического восприятия времени, закрепленные в языке (отсутствие абстрактного представления о времени: нем. *Zeit* и голл. *tijd* «время» — англ. *tide* «прилив и отлив», ср. *eventide* «вечерняя пора»; нем. *Mal* «раз» — нем. *Mahl*, англ. *meal* «еда»; гот. *heila*, нем. *Weile* «время, промежуток времени» — лат. *qui-es* «покой», русск. *по-чи-ть*; неразличение будущего и прошедшего: санскр. *tatra*, греч. *πότε* и *τότε*, англ. *then* и русск. *тогда* — все одинаково могут употребляться по отношению к будущему и прошедшему и т. д.).

Исходя из этого, Дж. Гонда видит свою задачу не в том, чтобы выяснять хронологические отношения между значениями какой-либо формы, а в том, чтобы «сосредоточить все усилия на проблеме существенного значения категории, лежащего в основе всех ее употреблений, которые следует рассматривать как частные случаи этого центрального значения, обусловленные контекстом, ситуацией, лексическим значением глагола и тому подобными факторами» (стр. 69).

Иначе говоря, Дж. Гонда ищет то, что Р. Якобсон называет «общим значением» (*Gesamtbedeutung*) категории: не сумму значений в отдельных конкретных употреб-

¹ Взгляды П. Ф. Гербарта иллюстрируются таким примером: «Наполеон проявлял волю, когда был императором; Наполеон изъявлял желания, когда находился на Св. Елене...» (стр. 48).